
К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ НОРМАТИВНОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЯВЛЕНИЯ: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, НОРМА

Е.В. Карпина

Кафедра иностранных языков
Факультет мировой экономики и мировой политики
Национально исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

В статье рассматриваются вопросы признания нормативности языкового явления, анализируются влияние лингвистических и социолингвистических факторов на развитие и функционирование языка, приводятся взгляды лингвистов на развитие языковой ситуации в испаноязычном мире и примеры данного влияния на территории Мексики.

Ключевые слова: культура, норма, языковая вариативность, диалект, Мексика.

В современном языкознании вопросам влияния лингвистических и социолингвистических факторов на развитие и функционирование языка уделяется особое внимание. Это обусловлено тем, что проблема становления конкретного национального языка включает в себя много аспектов, которые в своей совокупности говорят о сложном характере данного явления, связанного как с лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. К их числу относится становление нормы письменного литературного языка, увеличение/уменьшение численности носителей языка, расширение их социального состава и пр. Современное языкознание различает внутренние факторы развития языка, связанные с особенностями его системы, и внешние социальные факторы, которые оказывают влияние и на развитие, и на характер функционирования языка. Одним из актуальных направлений современной лингвистики является исследование комплекса проблем, связанных с социальной обусловленностью языка, влиянием экстралингвистических факторов на языковое развитие, особенностями разграничения и классификации диалектов испанского языка, а также с проблемой заимствований и признания нормативности языкового явления. В данной статье мы рассмотрим трактовку понятий «язык», «культура», «норма» применительно к диалектам испанского языка на территории Мексики отечественными и зарубежными лингвистами, а также затронем аспект языковых контактов и заимствований.

Бесспорно, что история каждого языка самым тесным образом связана с обществом, историей народа, являющегося его носителем. В большинстве исследований, посвященных изучению образования и развития языков, указывается, что конкретные особенности процесса становления нормы зависят от специфических особенностей данного национального языка, истории народа, говорящего на этом языке, от влияния культуры, особенностей функционирования языка в различных типах лингвосоциумов. Это обусловлено тем, что каждый естественный язык развивается не по строгим логико-математическим правилам, а стихийно, на протяжении многих веков и тысячелетий, в каждый момент своей истории испытывая воздействие со стороны разных общественных факторов. Поэтому

для теоретического языкознания немалый интерес представляет проблема взаимоотношения внутренних (внутриструктурных) и внешних (прежде всего социальных) факторов развития языковой системы. В первую очередь именно в языке отражается развитие материальной культуры (техника и технология) и достижения духовной культуры (мифологическое, философское, художественное, научное постижение мира, формирование новых понятий). Язык представляет собой универсальную знаковую систему открытого типа, способную к постоянному развитию и совершенствованию.

На протяжении XX в. сменяли друг друга разные определения языка и, соответственно, разные его «образы». К концу XX в. в результате многочисленных споров и дискуссий сложилось определенное представление и дефиниция понятий «языковая норма», «язык», «культура». К примеру, в Лингвистическом энциклопедическом словаре находим следующее его определение: «Термин „язык“ имеет, по крайней мере, два взаимосвязанных значения: 1) язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем; 2) конкретный, так называемый этнический, или «идиоэтнический», язык — некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве. Язык в первом значении — это абстрактное представление о едином человеческом языке, средоточии универсальных свойств всех конкретных языков. Конкретные языки — это многочисленные реализации свойств языка вообще» [2. С. 604]. Далее словарь указывает, что «язык вообще есть естественно возникшая семиотическая (знаковая) система, которая обладает свойством социальной предназначенности, т.е. существующая прежде всего не для отдельного индивида, а для определенного социума. Кроме того, на эту знаковую систему наложены ограничения, связанные с ее функциями и используемым субстанциальным (звуком) материалом. Таким образом, каким бы смелым ни было языковое новаторство, оно лимитируется жестким требованием „понятности“ коммуникативного акта, интересами социальной коммуникации и нормой языка» [2. С. 604].

По мнению известного испанского филолога Р. Менендеса Пидала, «столкновение различных тенденций происходит в языке в любую эпоху: архаизмы, ассимиляция и диссимиляция, дифференциация и пересечение разных форм выражения» [10. С. 128]. При всем историческом своеобразии становления нормы и системы языка в разных странах существуют общие черты взаимовлияния лингвистических и социальных факторов, характеризующие процесс, общие закономерности, которые отразились на историческом своеобразии развития отдельных языков.

В научной практике признается взаимосвязь: *язык* → *культура* и *культура* → *язык*. Ракурс *язык* → *культура* предполагает выявление специфических особенностей языковой знаковой системы, позволяющих ей быть оптимальным средством хранения и передачи достижений духовной культуры. Использование языка в этом качестве во многом обуславливается постепенным характером его развития.

Ракурс *культура* → *язык* позволяет говорить о существовании обратной связи. Г.П. Нещименко пишет, что не только язык влияет на культуру, способст-

вуя полноценному распространению духовных ценностей, но и «использование языка в качестве средства передачи культуры влияет на его функциональные свойства» [3. С. 39].

Бесспорно, язык является одной из составляющих культуры. Рассмотрим некоторые определения понятия «культура» в отечественном и зарубежном языкознании.

В подходах, которые концентрируются на одном из аспектов понятия «культура», можно выделить три направления:

— культура понимается как социальное явление, отличное от природы, от биологического, не замкнутое на отдельном индивиде, но присущее группе людей, связанных общением;

— культура понимается как когнитивная сущность, когда она рассматривается как «формы субстанций, которыми люди обладают в своем мышлении, их модели для восприятия и интерпретации» [8. С. 36], как явление личное и индивидуальное, лежащее за пределами актуального социального поведения;

— понятие «культура» рассматривается как семиотическое явление, как знаковая система, призванная осуществлять категоризацию мира.

Как известно, в русле семиотического подхода наиболее четко сформулировано понятие «культурные значения» — общественные, публичные значения, закодированные в известной всем носителям данной культуры системе символов. В рамках названной концепции все проявления и продукты культуры, включая материальные, являются актами коммуникации, поскольку обладают значением и создаются с целью его передачи. Думается, что для лингвистических исследований наиболее продуктивным является такое понимание культуры, которое сближает ее с языком и рассматривает ее сущность в триединстве ее функций как социального явления знаковой природы, имеющего отражение в когнитивных структурах индивида. Как известно, В. фон Гумбольдт был первым, кто систематизировал представления о языке как картине мира, иными словами, связал язык и культуру: «Каждый язык очерчивает границу вокруг людей, которым принадлежит. Изучение иностранного языка должно быть освоением новой точки отсчета в предыдущем превалирующем глобальном отношении (миропонимании) индивида. Но это освоение никогда не является законченным, поскольку индивид всегда привносит в иностранный язык большую или меньшую долю своей собственной точки зрения — на самом деле, свою собственную лингвистическую модель» [12. С. 39—40].

Наиболее конкретное воплощение взгляды о неразрывной связи языка и культуры получили в «теории лингвистической относительности», согласно которой каждый язык содержит культурно предписанные категории, посредством которых личность не только общается, но также анализирует окружающий мир [13]. Д. Хаймс сформулировал связь языка с культурой, отметив, что развиваемая им этнография говорения призвана заполнить пробел между системой, и структурой языка [9].

Со временем эволюция научных идей привела к осознанию того, что связь языка и культуры не будет полной без понятия «культура речи» (В.Г. Костомаров,

Е.М. Верещагин). В настоящее время понятие «культура речи» расширилось до культуры владения языком (Е.Н. Ширяев), культуры языковой коммуникации (К. Гаузенблас), культуры речевого поведения (Т.Г. Винокур) и т.д. Однако все эти концепции объединяет далеко не всегда эксплицируемое убеждение филологов, что культура речи, будучи несводимой к правильности, включает последнюю в качестве обязательного и необходимого элемента.

Правильность между тем определяется как соответствие языковой норме. Несмотря на то, что категория нормы является центральной категорией культуры речи, теория нормы во многом остается противоречивой.

Национальный язык представляет собой сложное неоднородное понятие, и то, что считается нормой в один период истории языка, может оказаться за пределами «правильности» (нормы) в другой ее период.

В то же время не все инновации разговорной речи находят отражение в письменной, литературной норме языка. Однако нормирование литературного языка тесно соприкасается с унификацией способов языкового выражения в письменной и устной речи.

При описании конкретного языкового материала с точки зрения функциональных стилей очень важно понятие нормы. В то же время в связи с тем, что проблема нормы очень сложна и неоднородна (ее многоаспектность определяется лингвистическими, социокультурными, историческими и другими факторами), среди языковедов имеются существенные расхождения в трактовке рассматриваемого понятия.

Невозможность использования критерия общепринятости привела к тому, что норма для большинства лингвистов стала фактически отождествляться с кодифицированностью. Обосновать норму как лингвистическую категорию, на наш взгляд, невозможно без ответа на вопрос о том, какова сущность нормы, где ее источники.

Отмеченные обстоятельства обуславливают значительное многообразие в определении нормы, что, в свою очередь, осложняется тем, что сами языковые явления, отражающиеся в данном понятии, весьма разнообразны и могут быть охарактеризованы с различных сторон. Впрочем, при таком большом количестве существующих трактовок представляется возможным указать на некоторые основные определения понятия «норма».

Понятие «норма» рассматривается как в работах языковедов, принадлежащих к различным лингвистическим школам и различным направлениям науки о языке, так и в трудах общезыковедческого плана, где лингвисты в той или иной степени, опираясь на систему взглядов, предложенную известным исследователем Ф. де Соссюром, не прекращают попыток уточнить и определить набор понятий и терминов, которые бы наиболее полно отражали многообразные аспекты языковой деятельности.

Известно, что термин «норма» появился в русской лингвистике как обозначение специального понятия, складывавшегося в рамках учения о культуре речи

в связи с теоретическим осмыслением понятия «литературный язык». Этот термин связан с именами таких ведущих отечественных и зарубежных лингвистов, как Л.В. Щерба, А.Н. Пешковский, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Н.Н. Семенов, В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, Э. Косериу. В испанистике данное понятие рассматривалось Г.В. Степановым, Р.А. Будаговым, Н.М. Фирсовой, Д. Каталан Менендесом Пидалем и др.

Большинство исследователей понимает норму как совокупность наиболее пригодных (правильных) для обслуживания общества средств языка, складывающихся в результате отбора языковых элементов (лексических, фонетических, морфологических, синтаксических) из числа существующих (образуемых вновь) в процессе социальной оценки данных элементов.

В 1950—1960-е гг. термин «норма» сохранил уже имеющееся значение специального понятия в учении о культуре речи и сначала в зарубежной, а потом и в отечественной лингвистике он приобретает более общее значение в теории языка. Л. Ельмслев, затем Э. Косериу оперируют данным термином применительно к сосюровской дихотомии «язык—речь», определяя норму как коррелят системы. В схеме Э. Косериу речи как свободной коммуникативной деятельности противостоят система и норма. Основное различие между последними — это «потенциал» — «реализация». Э. Косериу определяет норму языка как «совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой» [7. С. 98]. На наш взгляд, для Э. Косериу совпадение нормы с системой (когда система предоставляет единственную возможность реализации) есть лишь частный случай взаимодействия функциональной структуры языка и нормы. В свою очередь, система предоставляет серию вариантов для ее реализации, что, собственно, и позволило разграничить понятия «система» и «норма».

Дальнейшее развитие и уточнение (особенно со стороны социально-исторического плана) эта теория нашла в трудах Г.В. Степанова. Автор четко разграничивает два аспекта в понимании языковой нормы, выделяя «объективный аспект понятия нормы» — «объективная норма» и «оценочный аспект нормы» — «аксиологическая норма» [4. С. 226]. Мы полностью поддерживаем точку зрения Н.М. Фирсовой, согласно которой вплоть до настоящего времени испанские языковеды обычно в понимании нормы исходят из устоявшегося взгляда на литературный язык как на монолитное целое [5. С. 48].

Общеизвестно, что закономерный процесс развития и совершенствования языка отражается в речевой деятельности в постоянных изменениях, происходящих на всех его уровнях. Языковая норма в этих условиях служит своего рода гарантом стабильности относительного однообразия значения и функционирования единиц и элементов языка. В то же время норма обладает набором допустимых в ее пределах колебаний и вариантов. Таким образом, сама языковая система содержит в себе возможности для эволюции языка, которая осуществляется в процессе переработки речевого опыта. Говоря о процессе формирования языковой нормы, мы имеем в виду две стороны вопроса: возникновение потенциальных возможностей различной реализации языковых средств, предоставляемых языком

как системой, и принятие, осознание тех или иных средств языкового выражения как правильных. В первом случае речь идет об объективных условиях возникновения нормы, во втором — об оценке соревнующихся объективных норм с точки зрения правильности-неправильности. Осознание или принятие тех или иных фактов языка как *нормальных* предполагает возможность выбора, сопоставления, противопоставления, т.е. сам выбор возможен при наличии вариативности средств выражения. Иными словами, наличие вариативности предшествует закреплению тех или иных средств выражения как *нормальных*, традиционных.

Норма языка неоднородна по составу входящих в нее компонентов. Ядро литературной нормы составляют, как правило, стилистически нейтральные и наиболее широко употребляемые языковые явления; периферию — архаические и новые, а также явления, функционально и территориально маркированные, но использующиеся, тем не менее, в рамках литературной нормы. Языковые элементы, которые обнаруживаются в конкретной речи, представляют собой нормы разговорной речи. Как указывает Э. Косериу, «для каждого говорящего язык — это умение говорить, знание того, как говорят в определенном обществе и в соответствии с определенной традицией. На основе такого знания говорящий создает свои высказывания в той мере, в какой они совпадают с высказываниями других говорящих или применяются ими, составляют язык, засвидетельствованный в речи» [1. С. 176]. Говорящий не употребляет особой техники, а использует ту систему, которую ему предлагает коллектив, и, более того, ту реализацию этой системы, которая соответствует традиционной норме. Лишь абстрактный язык обладает только одной системой и одной нормой.

Таким образом, общим местом в теории нормы является положение о системе как источнике нормы. Отметим, что преобладание в отечественном языкознании убеждения о том, что норма является производной от системы языка, обеспечило ей объективность и полную легитимность в ряду прочих лингвистических категорий, но не решило проблемы онтологического определения: какова сущность нормы; чем же норма отличается от самой структуры языка?

Надо отметить, что в поисках источников нормы всегда наблюдалась тенденция к выходу за пределы языковой системы. В подобных трактовках есть известное противоречие (с одной стороны, нормы закономерны, системны, с другой — стихийны), наводящее на мысль о том, что искать источник нормы одновременно в системе и за ее пределами, вероятно, нецелесообразно. А результаты ряда психолингвистических исследований, подтверждающие системный характер любых речевых реализаций, позволяют полагать, что условия их нормативной «селекции» лежат за пределами системы: если с точки зрения системы легитимны все языковые явления, то принципы противопоставления нормативных и ненормативных реализаций системы в ней самой не заложены.

Представляется, что появление самого понятия «норма» в языкознании не просто дань социологическому подходу к языку. Введение данной категории, социокультурной по определению, в область лингвистических исследований указывает на существование некоего механизма социокультурной регуляции языко-

вой деятельности. Исследование названного механизма невозможно без учета культурно-психологических условий языковой деятельности, т.е. внешних условий жизни общества и языковой практики.

Мы поддерживаем точку зрения А.Я. Флиера, что понятие «норма» в языкознании соотносимо с понятием «культурная форма» в культурологии. Категория формы в данном случае призвана подчеркнуть многообразие проявлений социальной жизни [6]. В свою очередь, текстовая деятельность лишь в минимальной степени ориентирована на грамматические руководства, но практически всегда — на образцы. Эти образцы осознаются как культурные формы в пределах определенных культурно-языковых сообществ. В.М. Живов объясняет это тем, что социальная жизнь культурно дифференцирована, в рамках одного социума складываются различные общности. Их возникновение сопровождается языковым обособлением, которое до создания специальных социальных институтов является единственным средством идентификации членов данного сообщества. Любая культурная форма осознается как таковая в той мере, в какой она противопоставлена другим. И, наоборот, то, что отличает одну культурную общность от другой, воспринимается как культурно значимый признак, элемент культурного кода. Иначе говоря, элементы культурного кода (нормы) маркируют тексты как относящиеся к тому или иному корпусу и служат ориентирами для создания новых текстов в рамках данного дискурса, тем самым регулируя языковую деятельность. При этом важным, на наш взгляд, является то, что многое в характеристиках литературных норм зависит от того, каким является исторический путь формирования литературного языка: развитие литературного языка нельзя рассматривать как узколингвистическую проблему, поскольку литературный язык — это обработанная форма общенародного языка, обладающая в большей или меньшей степени письменно закрепленной нормой.

Исследования особенностей национальных вариантов испанского языка в Латинской Америке в течение длительного времени привлекают внимание лингвистов. В странах Латинской Америки языковая норма испанского языка характеризуется тем, что в каждой стране норма приобретает свои национальные особенности в зависимости от того, как складывались условия его исторического формирования. Наряду с нормой существует целый ряд национальных вариантов, на которые оказали влияние субстратно-суперстратные отношения в конкретной лингвистической зоне. Отличительной чертой формирования норм испанского литературного языка в странах Латинской Америки является то, что в некоторых случаях диалектные, просторечные элементы не только *не вытесняются* общеиспанским литературным языком, но и внедряются в национальную норму. В работах о территориальных различиях в испанском языке Мексики преобладают изыскания, посвященные анализу фонетических и лексических языковых единиц.

До XVI в. территория современной Мексики была заселена довольно многочисленными индейскими племенами, говорившими на нескольких десятках языков, самыми распространенными из которых были: навахо на севере, майя, науатль в центре и многие другие, которые оказали существенное субстратное влияние

на испанский язык, на котором поначалу говорили лишь 5% населения. Тем не менее благодаря своему престижу и интенсивным межрасовым контактам испанский язык становится основным средством общения уже в XVII в. В XIX—XX вв. число говорящих на индейских языках в Мексике возросло довольно значительно, хотя их доля в населении в целом продолжала сокращаться из-за еще более быстрого роста количества испаноязычных метисов. Однако влияние индейских языков, на которых по-прежнему разговаривает 7—10% мексиканцев, остается существенным. Многие мексиканизмы, т.е. слова, обороты, фонетические и грамматические явления, характерные для разговорного испанского языка Мексики, объясняются именно влиянием автохтонных языков. Другим немаловажным фактором в формировании и распространении мексиканского испанского явился статус самого города Мехико, который на протяжении трех веков являлся столицей. Некоторые лингвисты отмечают, что в то время как язык собственно Испании продолжал развиваться дальше, в Мексике он во многом «застыл» и начиная с XIX в. развивался в отрыве от Испании.

В системе испанского языка Мексики происходит ряд изменений: расширяются языковые территории, происходят фонологические изменения (по-другому начинает произноситься *j*, постепенно исчезает звук *θ* и заменяется на *s*, происходит фонетическая адаптация слов заимствованных из индейских языков), и т.д. Одна из характеристик мексиканского варианта испанского языка — его «консервативность». В литературных текстах испанских писателей XVI и XVII вв. можно найти слова, которые сегодня в Испании являются архаизмами либо употребляются крайне редко. В Мексике эти слова продолжают использоваться и не воспринимаются как архаичные. Вот некоторые примеры таких лексических единиц:

Мексиканский национальный вариант испанского языка	Пиренейский вариант испанского языка	Перевод
Aburriciyn	Aburrimiento	Скука, досада
Alzarse	Sublevarse	Бунтовать, восставать
Amarrar	Atar	Привязывать, соединять
Anafre	Hornillo	Переносная печь
Balde (para agua)	Cubo	Ведро, бадья
Botar	Tirar	Бросать, выбрасывать
Chapa	Cerradura	Замок
Chcharo	Guisante	Горох
Despacio (hablar despacio)	En voz baja	Тихо (говорить тихо)
Hambreado	Hambriento	Голодный
Postergar	Aplazar, diferir	Откладывать
Prieto	Moreno	Смуглый
Renco	Cojo	Хромой
Resfriо	Resfriado	Простуда, насморк
Retobado	Rezongyn	Брюзгливый
Rezago	Atraso	Задержка, опоздание

Наличие такого лексического пласта породило среди многих лингвистов ошибочный взгляд на мексиканский вариант испанского языка как на архаичный вариант. Однако Морено де Альба по этому поводу пишет: «Лексика испанского языка — это полная сумма всей лексики всех его диалектов (географических,

исторических и социальных). Поэтому проблема так называемых архаизмов должна быть пересмотрена» [11. С. 264—265].

В заключение отметим, что данные, полученные в результате вышеперечисленных исследований, и ряд сведений относительно прежде всего лексического материала нуждаются в дополнительном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Koseriu Э.* Синхрония, диахрония и история. (Проблема языкового изменения) / Пер. с исп. И.А. Мельчука // Новое в лингвистике. Вып. 3. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. — С. 143—347. [*Koseriu E.* Synchronia, diahronia I istoriya. (Problema yasicovogo ismenenia) / Perevod s isp. I.A. Melchuka // Novoye v lingvistike. — Vip. 3. — М.: Izdat. In. Lit-ri, 1963. — S. 143—347.]
- [2] Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 2002. [*Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar / Pod red. V.Ya. Yartsevoy.* — М.: Sovetskaya entsiklopedia, 2002.]
- [3] *Нещименко Г.П.* К постановке проблемы «Язык как средство трансляции культуры» // Язык как средство трансляции культуры: Монография / Под ред. М.Б. Ешич. — М.: Наука, 2000. — С. 30—45. [*Neshimenko G.P.* K postanovke problemi «Yasik kak sredstvo translatsii kulturi» // Yasik kak sredstvo translatsii kulturi: Monografiya / Pod red. M.B. Eshich. — М.: Nauka, 2000. — S. 30—45.]
- [4] *Степанов Г.В.* О двух аспектах понятия языковой нормы // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков / Под ред. М.А. Бородиной, М.С. Гурычевой. — М.: Наука, 1966. — С. 226—235. [*Stepanov G.V.* O dvuh aspektah ponyatiya yasikovoy normi // Metodi sravnitelno-sopostavitelnogo isuchenia sovremennih romanskih yasikov / Pod red. M.A. Borodinoy, M.S. Gurechivoy. — М.: Nauka, 1966. — S. 226—235.]
- [5] *Фирсова Н.М.* Грамматическая стилистика современного испанского языка. Имя существительное. Глагол: Учеб. пособие. — М.: Изд-во РУДН, 2002. [*Firsova H.M.* Grammaticheskaya stilistika sovremennogo ispanskogo yasika. Imya sushestvitelnoye. Glagol: Ucheb. Posobie. — М.: Izd-vo RUDN, 2002.]
- [6] *Флишер А.Я.* Культурология для культурологов: Учеб. пособие для высш. шк. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. [*Flisher A.Y.* Kulturologiya dlya kulturogov: Ucheb. posobiye dlya vishey sholi. — М.: Akad. proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2002.]
- [7] *Coseriu E.* Sistema, norma y habla // Teoría del lenguaje y lingüística general. — Madrid: Gredos, 1962.
- [8] *Goodenough W.H.* Cultural Anthropology and Linguistics // Language in Culture and Society: a Reader in Linguistics and Anthropology / Ed. by D. Hymes. — New York: Harper & Row, 1969. — P. 36—39.
- [9] *Hymes D.* The Ethnography of Speaking // Language, Culture and Society. — Illinois: Ed. B.G. Blount, 1995. — P. 58—63.
- [10] *Menéndez Pidal R.* Estudios literarios. — Madrid: Espasa — Calpe, 1973, 10-a ed.
- [11] *Moreno de Alba José G.* — URL: http://congresosdelalengua.es/valladolid/mesas_redondas/moreno_j.htm
- [12] *Von Humboldt W.* Linguistic variability and intellectual development / Translated by G.C. Buck and A.R. Frithjof. — Philadelphia: Hobbing, 1971.
- [13] *Whorf B.L.* Language, thought and reality // Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. by J.B. Carroll. — Cambridge (Mass): MIT Massachusetts inst. of technology press., 1956.

**TO THE QUESTION OF RECOGNITION
OF THE LANGUAGE PHENOMENON AS A NORM:
LANGUAGE, CULTURE, NORM**

E.V. Karpina

Department of Foreign Languages
Faculty of World Economy and International Affairs
National Research University Higher School of Economy
Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russia, 101000

This article deals with questions of recognition of the language phenomenon as a norm are considered, influence of linguistic and social-linguistic factor on development and language functioning is analyzed, views of linguists of development of a language situation are given in the Spanish-speaking world and examples of this influence on territories of Mexico.

Key words: culture, norm, language variability, dialect, Mexico.